

Путевые записки В.П.Боткина: литературно-публицистический опыт запечатления национально-культурной идентичности

В.Н.Чубарова
(Россия)

La identidad nacional y cultural se estudia desde el enfoque de las relaciones entre el objeto y el sujeto que caracterizan las particularidades del género de *travelogue* (narración sobre viajes)

Вопрос об эволюции В.П.Боткина как автора путевых записок еще не получил должного освещения в отечественном литературоведении, хотя сопоставление литературно запечатленного опыта его путешествия в Европу в 1835 году и описание путешествия в Испанию в 1845 году позволяют глубже разобраться в самой природе жанра путешествия, его зависимости от стиля и литературных направлений эпохи.

Путешествие как жанр оформляется в русской литературе на рубеже XVIII-XIX вв. В это время сам процесс формирования литературы был во многом связан с «олитературиванием» промежуточных (первичных) жанров – писем, дневников, путевых записок. Достаточно вспомнить о той роли, которую сыграли «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина, с которых и начинается отсчет истории новейшей русской литературы. Интересно, что частные записки молодого человека, путешествующего по Европе, оказались произведением, в котором впервые определился образ автора, отличный от биографического, и было положено начало формированию просвещенного читателя, способного не только прочесть поверхностный, событийный слой текста, но и активно включиться в авторское культурно-ассоциативное поле, считывая более сложные смыслы. И в дальнейшем, в истории становления русской словесности, жанр путешествия займет значительное место, выступая либо как самостоятельный травелог (описание путешествия), и здесь нельзя не вспомнить Пушкина и его знаменитое «Путешествие в Арзрум», либо оборачиваясь мотивом, оформляющим более сложное по структуре повествование – «Мертвые души» или «Герой нашего времени». Как предмет литературоведческого исследования путешествие оформится только в XX веке, актуализировав не только филологическую проблему литературы и реальности, но и смежные с этим вопросы документальности (подлинности) и художественного вымысла (Шёнле А., 2004.). Хотя и в XIX веке, по мере появления знаменитых теперь уже «Писем об Испании» В.Боткина или «Фрегата "Паллада"» И.Гончарова, литературная критика активно обсуждала особенности жанра и достаточно отчетливо определила главные объекты своего интереса и оценки – достоверность описания и личность самого путешественника. При этом достоверность повествуемых событий в оценке критики нередко подменялась занимательностью и способностью убедить читателя, а вовсе не документальным совпадением с описываемыми фактами.

Жанр путешествия, как показывает практика, внутренне достаточно разнороден. Литературную его природу чаще всего традиционно связывают с наличием установки на вымысел (чаще всего это смена реальных дат,

перестановка последовательности посещаемых мест, присутствие собирательный портретов и др.), но все это становится возможным при определенной степени активности творящего субъекта, автора текста, способного «вещную среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить ее в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей ... личности» (Бахтин, 1979, с. 366). То есть автор, описывающий свое путешествие, сродни автору художественного произведения по базовому принципу «внеаходимости» «по отношению как к изображенному миру, так и к той действительности (природной, бытовой, исторической)» (Тамарченко Н.Д., 2001), которую он воспроизводит. Не случайно жанр путешествий сложился в эпоху предромантизма и романтизма, эпоху, представляющую личность автора в единстве его биографической и эстетически-творческой ипостасей, когда именно произведение, независимо от его жанровой принадлежности, становится одной из возможных реализаций индивидуальной творческой силы личности.

Сближает жанр путешествия с художественным дискурсом и то, что в основе взгляда путешественника на мир всегда преобладает созерцание, которое по своей природе является, как считают философы, основным способом постижения прекрасного в реальном мире. Опыт путешествия изначально основан на простом созерцании реальности в ее непосредственной конкретности и целостности, несмотря на динамику передвижения, т.е. как бы обретается «чистый опыт реальности». Но от автора записок, адресованных публике, потребуется уже способность показать когда-то созерцаемую реальность в ее наглядной непосредственности и этим дать почувствовать читателю новизну и красоту самого обычного явления. Поэтому рассказы о путешествиях обычно насыщены авторской эмоциональностью, риторическими приемами, авторской устойчивой метафоричностью, образами национальной культуры.

Все это можно наглядно проследить на примере развития жанра путешествия у В.П.Боткина, автора знаменитой книги «Письма об Испании».

Вопрос об эволюции В.П.Боткина как автора путевых записок в отечественном литературоведении еще не получил должного освещения, хотя сопоставление запечатленного опыта его путешествия в Европу в 1835 году и описание путешествия в Испанию в 1845 году позволяют глубже разобраться в самой природе жанра, его зависимости от стиля и литературных направлений эпохи.

В.П.Боткин, старший сын крупного московского купца, образование получил в частном пансионе, где в основном изучал языки и основы гуманитарных знаний, а затем всю жизнь самоучкой восполнял свое образование. В 1835 г. в возрасте 24-х лет он предпринял свое первое путешествие по Европе, посетив Англию, Францию и Италию. Уже тогда проявилась широта культурных интересов молодого Боткина, позволившая ему на протяжении всей жизни оставаться в центре отечественной литературной и культурной жизни России.

Свои первые путевые записки «Русский в Париже» он опубликовал в 1836 г., во многом под влиянием В.Г. Белинского и участников кружка Н.В. Станкевича, прививших ему любовь к современной философии и стремление к выработке общего взгляда на вещи, что ему позже пригодится в его писательском труде.

Уже сам заголовок «Русский в Париже» свидетельствует не только о стремлении автора записок национально идентифицировать себя, что неизбежно происходит со всяким в инородной среде, но и определить масштаб общего взгляда на описываемую страну и ее столицу.

«Сколько раз брался я за перо с намерением...» (Боткин, 1976, с. 195). Подобный зачин – достаточно традиционный для романтической беллетристики, – и как форма авторского лукавства – признание, якобы, в неуверенности, что стоит писать, – и как сигнал, что все увиденное сформировалось в содержание, требующее повествования.

Автор записок эмоционален, непосредственен, как того требует эпоха. Он увиденное переплетает с воображаемым, и тогда «веселые бульвары» Парижа и Пале-Рояль оказываются поводом для стольких исторических воспоминаний: «Невольно думаю я о том времени, когда Камилл Демулен, заткнув себе в шляпу ветку липы, заговорил народу на широком дворе его; стул, на котором стал он тогда...» (Боткин, 1976, с. 195). Боткин противопоставляет свой взгляд на Париж взгляду «добрых стариков», которые сложили в умах соотечественников миф о «веселом нраве Парижа, не разглядев под напудренными париками красного котика...» (Боткин, 1976, с. 195). Но современная жизнь Парижа вновь предстает перед глазами путешественника во всем своем разнообразии, его поражает приверженность парижан публичной жизни: множество ресторанчиков, кофеен, и все они заполнены – парижане мало времени проводят у себя дома, удивленно констатирует автор записок. Он поддался очарованию и «умного веселья» загородных балов, и красочной жизни Елисейских Полей, восклицая: «Нет, я не променяю этих кривых, запачканных улиц, этих разноцветных, закопченных порохов домов, усеянных балконами, на опрятный, просторный Лондон, с его угрюмою, деловою физиономиею и рассудительным народом!» (Боткин, 1976, с. 197). Но Париж и Лондон – не просто города, Боткин ощущает их как иероглифы национальной жизни народов. И Лондон ему не очень мил потому, что англичане «мало ощущают потребности в идеях общих» (Боткин, 1976, с. 197) и формально относятся к религии, Париж, напротив, поразил путешественника, т.к. лучше всего олицетворяет Францию и французов «с их приверженностью к страстям и мнениям», с неистовым стремлением «проявить идеи в действительность» (Боткин, 1976, с. 198), что полностью отсутствует в жизни Германии, выработавшей множество идей, но оставившей их в книгах.

Еще Н.М. Карамзин заложил традицию для русских, выезжая в Европу, не только быть знакомым с идеями и направлениями мысли в Европе, но и постараться познакомиться с их авторами. Боткин старается ей следовать. Рассказ о встрече с В.Гюго автор предваряет пересказом того, что услышал о нем от самих французов в культурных кругах Парижа. Гюго для большинства из них оказался «писателем с некоторым дарованием, но отклонившийся в дурную сторону» (Боткин, 1976, с. 200). Боткин удивлен и не согласен, отчего, по его ощущению, кажется французам «северным варваром». Несхожесть в оценке Гюго предстает как барьер между двумя отличающимися культурами. Боткин как представитель одной из них доверяет своим читательским ощущениям, описывает свои походы с томиком «Собора Парижской богородицы» на башню собора, предаваясь наслаждению созерцания созданных воображением картин, и визит к Гюго определяет как визит к «первому поэту Франции» (Боткин, 1976, с. 201). На вопрос служанки поэта, как доложить о нем, ответил: «Русский

путешественник». Он сознательно выступает не как частное лицо, а как представитель своей национальной культуры. Несколькими годами позже и П.Я. Чаадаев, и В.Ф. Одоевский, и славянофилы будут писать о праве России и русских быть своего рода судьей в определении значимости европейских достижений. Боткин, несколькими годами ранее, эмпирически реализовал это право, точнее самих французов определив масштаб творчества Гюго.

Тремя годами позже, в 1839 г., Боткин опубликовал «Отрывки из дорожных заметок по Италии», о своем путешествии по Италии в том же 1835 г.

Учитывая, что он въезжал в Италию со стороны Альп, впечатления от созерцаемого ландшафта преобладают. Он двигался по дороге через Симплон, построенной по приказу Наполеона, и размышлял о величии природы и человеческого гении. Свой переход он уподобил музыкальному произведению, не готовому, а только складывающемуся из разнообразия аккордов звучащей и воздействующей на путешественника природы, мелодии со светлой и радостной кодой – выходом в долину, олицетворяющую Италию, со всей роскошью юга. Путешественнику вновь дается возможность сравнения европейских народов – стена в гостинице на границе вся исписана надписями. При этом, как отмечает повествователь, «англичане ограничиваются четким означением своего имени и фамилии, французы пишут свои политические мнения... итальянские надписи дышат страстную любовью к Италии, любят ее, горячо желают ей счастья» (Боткин, 1976, с. 204). Нетрудно угадать авторские предпочтения.

Избрав жанр «отрывков», Боткин отказался от последовательности своего путешествия по Италии, избрав только два отрывка, посвященные посещению Милана и Венеции.

Милан, в восприятии Боткина, подобно Парижу, населен историческими фигурами. Здесь и Петрарка, переписывающий Вергилия и делающий на полях свои пометки, и клан Борджиа, и кардинал Бембо... и вновь Наполеон, по чьей воле построен гигантский цирк. Но особое чувство у путешественника вызывает Миланский собор. В его описании появляется оригинальная боткинская метафора, которая будет сопровождать его восприятие итальянской архитектуры. В архитектуре Миланского собора «нет величия – она дышит нежностью» (Боткин, 1976, с. 206). И вся эта панорама свидетельств о разных исторических мирах оформляется суждением Боткина об особенностях германской готики, с ее устремлением ввысь, и «приземленностью» итальянской архитектуры, свидетельствующей о невозможности для итальянцев отречься от мира – «Под этим небом не любить земли?» (Боткин, 1976, с. 206).

Образ Венеции рисуется разными красками – от невольного разочарования при въезде со стороны моря, до восхищения и признания в любви при погружении в нее. Особое место отведено дворцу дождей. Он поразил своей противоречивостью: «Прекрасен, роскошен снаружи дворец дожа – страшен, удушлив внутри!» Контрасты свойственны и самой Венеции – красавица, и вдруг «увялая, дряхлеющая», но все еще, признается Боткин, «в неге ее объятий вы забудете и великий Рим, и удивительный Неаполь» (Боткин, 1976, с. 214).

Впечатления о Риме Боткин опубликует в 1842 году, назвав отрывок «Письмо из Италии» и поставив вымышленную дату написания 1841 г., хотя биографы считают, что и это посещение Рима относится все к тому же путешествию 1835 года. Главным в восприятии великого города для Боткина станет острое переживание смешения двух великих культур – язычества

античности и христианства. «В Италии христианство выросло на чуждой ему почве, впитало ее соки, ее чувственность, симпатии древнего, прекрасного мира», - писал Боткин, подтверждая и усиливая свою мысль о «земной» сущности архитектуры Милана. Полвека спустя мысль о незаконченной битве этих миров станет одной из главных в романистике Д.С. Мережковского.

Завершает цикл путевых записок Боткина его «Письма об Испании». В его основе путешествие в Испанию, предпринятое Боткиным десять лет спустя, в 1845 году. Еще в 1836 г., завершая свой путевой очерк «Русский в Париже» и упомянув в связи с молодостью Гюго Испанию, отмечал, что эта страна ближе к Африке, нежели к Европе, страна поэтических вдохновений, которых не может дать ни одна европейская страна, что это земля природы роскошной и живописной, и родина подлинной готической архитектуры, не отягощенной опытом античности.

«Письма об Испании», печатавшиеся с перерывами с 1847 по 1851 и вышедшие отдельным изданием в 1857 году, вызвали много откликов в современной автору критике, высоко оценившей достоинства книги Боткина.

Сочинение Боткина выдержало испытание временем, стяжав и в XX веке немало высоких оценок, в 1976 году было опубликовано в серии «Литературные Памятники» при подготовке издания и комментариев Б.Ф.Егоровым и А.Звигильским. Изменение стилистики и появление новых для Боткина подходов в описании путешествия Б.Ф.Егоров во многом связывает со сменой литературных эпох и влиянием «натуральной школы» с ее пристрастием к жанру физиологического очерка. И это, безусловно, справедливо. Но при этом, как представляется, не учитывается еще один факт, а именно вышедшая в 1843 году во Франции и переведенная сразу же на многие европейские языки, но запрещенная в России книга А.де Кюстина «Россия в 1839 году». Сочинение объемное, наделавшее много шума и неплохо известное в России, несмотря на запрет. А.де Кюстин признается, что готовился к путешествию, перечитал много литературы о России, и его непосредственные наблюдения путешественника буквально тонут в умозрительных и идеологически достаточно жестких рассуждениях.

При выраженной ориентации русских на европейский опыт трудно представить, что шумный и скандальный успех книги де Кюстина никак не отразился бы на уже попробовавшем себя в жанре путешествий авторе, отправившемся в путешествие двумя годами позже после выхода книги. И впервые вышедший в России в 1996 полный перевод книги А.де Кюстина позволяет более определенно судить о влиянии его книги на сочинение Боткина. Влияние это прежде всего и проявилось в тщательной подготовке Боткина к путешествию, вплоть до изучения языка, и привлечение широкого круга справочной и исторической литературы, прежде всего в последующей работе над «Письмами», которая продолжалась несколько лет. Масштаб привлеченных сведений Боткиным был настолько широк, что, как указывает А.Звигильский, некоторые современники даже усомнились в реальности предпринятого путешествия, сочтя «Письма» за литературную мистификацию.

За истекшее время все многообразие откликов и оценок сочинения Боткина можно свести к двум основным предпочтениям: одним Боткин интересен как аналитик исторических процессов в Испании и ее положения в современном

автору мире, другим – как человек, почувствовавший страну и откликнувшийся на ее красоту и национальную неповторимость.

Отличительной чертой «Писем об Испании» является амбивалентная культурная идентичность Боткина, его позиционирование себя то как русского (читай, отличного от европейцев), то как последовательного европейца. И в этом он полностью разделяет судьбу России в целом. Так, сближая Испанию с Востоком, он видит в этом истоки своеобразия Испании и опровергает европейский миф об агонии Востока. Он не считает европейскую цивилизацию единственной цивилизацией общечеловеческой значимости и ценностей. Опровергает мнение «всей Европы», что испанский народ беден и невежествен. Сравнивает испанцев с французами, немцами и англичанами, находя, что низшее сословие в Испании несравнимо образованнее, питаясь народными преданиями и народным творчеством. Он не устает восхищаться наличием «поэтического элемента» в жизни испанцев. Но при этом в постижении страны опирается и на европейский литературный опыт.

«Письма об Испании» наполняют и аллюзии сугубо русского происхождения. Так, разделенность испанского общества на две партии Боткин прозрачно проецирует на Россию с ее партиями западников и славянофилов; как и в России, в Испанию успехи цивилизации приходят извне и неизбежно посягают на национальное своеобразие, пробуждая пустое обезьянство и определяя собою прозаическую сторону жизни нации, тогда как такие национальные качества, как натуральность, изящество и красота женщин, танцы, мавританская архитектура, рыцарство и выраженное достоинство мужчин, определяют, по Боткину, поэтическую сферу испанского мира.

Подводя итог, следует отметить, что путевые записки и тексты, выстроенные на их основе, являются важной сферой обретения обществом национально-культурной идентичности, приобщая читателей к рефлексии по поводу своеобразия своего и чужих национальных миров. И тексты Боткина наглядный тому пример.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

БАХТИН М.М., 1979: «К методологии гуманитарных наук». *Эстетика словесного творчества*. М. Издательство «Искусство».

БОТКИН В.П., 1976: *Письма об Испании*. Л., Издательство «Наука».

ЕГОРОВ Б.Ф., 1976: «В.П.Боткин – автор «Писем об Испании»». Боткин В.П. *Письма об Испании*. Л. Издательство «Искусство».

ЗВИГИЛЬСКИЙ А., 1976: «Творческая история «Писем об Испании» и отзывы о них современников». Боткин В.П. *Письма об Испании*. Л. Издательство «Искусство».

КЮСТИН А. де, 2000: *Россия в 1839 году: В 2 т.* М. Издательство «ТЕРРА».

ГАМАРЧЕНКО Н.Д., 2001: «Автор». Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., НПК «Интелвак».

ШЁНЛЕ А., 2004. *«Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790-1840»*. Перевод с англ. СПб. Издательство «Академический проект».